

Меч с лязгом отбил очередной удар, и Беломир, шагнув в сторону, озорно усмехнулся. Понятно, что этот с грехом пополам сплющенный лом к настоящему оружию имел очень отдаленное отношение. Но на подобных сходках иного и не предполагалось. Правила реконструкторы выработывали сами, исходя из собственных куцых познаний в уголовном кодексе. И все равно, даже зная о возможных последствиях, продолжали ковать оружие, делать доспехи и сходить на импровизированных ристалищах.

Вот и Беломир свой лом ковал сам. Чего ему это стоило, отдельная песня, с весьма грустным припевом. Представители власти на подобные вещи реагировали весьма нервно. С чего, парень так толком и не понял. Ну какое по сути ментам дело до того, зачем и куда он несет эту железку? Ведь зарубить ею кого-то невозможно. Нанести увечье — тоже очень постараться надо. Если только со всей дури треснуть возможного противника по бестолковке. Но ведь и он не станет просто так на месте стоять.

Про ограбление с этим ломом и говорить смешно. Любой объект нападения от души посмеется. Лезвие-то никогда оселка не знало. Лом, он и есть лом. Сплющенная в виде ромба в сечении железяка. Бутафория. Одна радость, что хоть внешне на настоящий похож. В общем, препон и дурных исто-

рий со всем этим железом хватало. Но они все равно продолжали заниматься этим делом, воплощая в жизнь свои детские мечты.

Отбив очередной удар, Беломир пригнулся, пропуская чье-то оружие над головой, и, приставным шагом сместившись в сторону, быстро огляделся. Эта свалка, устроенная ими в последний день, была затеяна, только чтобы разрядиться и как следует разогнать кровь по жилам. Правил тут не было никаких. Все рубились со всеми и просто от души веселились. Понятно, что без ушибов и синяков не обойдется, но это все ерунда. Заживет. Зато потом будет что вспомнить. Тем более что погодка порадовала.

Легкий ветерок разогнал набежавшие с утра тучки, но в воздухе запах дождя все равно ощущался. Так что парни поспешили устроить баталию и закрыть сезон. Фиолетово-малиновое свечение Беломир заметил краем глаза, но понять, что это такое, не успел. Как не успел и понять, что за странный треск раздался рядом. Сильный удар пришелся по щиту, и его качнуло в сторону свечения. Дальше последовала вспышка, грохот, и навалилась темнота...

Тихий, давящий на мозг звон был первым, что он услышал. Не было ни верха, ни низа, ни вообще ничего. Темнота, пустота и только мерзкий тихий звон. А еще почему-то очень хотелось пить. Хотелось так, словно он неделю бродил по пустыне. Уловив краем сознания, что происходит что-то непонятное, парень попытался пошевелиться, но ничего не произошло. Совсем. Словно тела у него и вовсе не было. Никогда. А еще вдруг навалилась какая-то странная апатия. Ну, нет тела и нет. Не получается пошевелиться, и ладно. Все равно терять ему нечего.

А чего терять приютскому сироте, у которого всего имущества — это купленные на рынке шмотки, старенький компьютер да комната в общежитии, полученная вместо положенной по закону квартиры. Так что терять вправду было нечего. Да и комнату ту едва не выгрызть у чиновников пришлось. Понятно, что положенную ему квартиру они давно уже продали, а бабки поделили, но и просто так сдать Беломир не мог. Вот и пришлось бодаться до упора. Он вообще не привык сдаваться. С самого рождения.

Так сложилось, что вся его жизнь была одним бесконечным боем. За жизнь, с чиновниками, со всякой прибалтненной сволочью, с духами во время войны на Кавказе. В общем, вся жизнь — борьба. Этот постулат он выучил, едва начав осознавать, кто он и где находится. А начиналось все очень весело. Однажды зимой пожилая супружеская пара отправилась в городской парк, собачку выгулять. Вот та собачка и откопала в сугробе младенца примерно недельного возраста.

С тех пор Беломир терпеть не мог сырость и холод и очень любил собак. Имя свое он получил в больнице. Кто именно так отличился, парень не знал, но менять его, получая паспорт, не стал. Так и жил Беломир Кречет. Обычно подобным детям давали фамилии вроде Найденова, Находкина, а тут... Кречет. Впрочем, Беломиру она нравилась. Хоть чем-то отличался от всех остальных.

Дальше были дом ребенка, детский дом, техникум, где он получил профессию автомеханика. Армия, где восемнадцатилетних пацанов загнали на передовую, против матерых, тренированных боевиков. Помогла профессия. В армию он уходил, имея на руках не только профессию автомеханика, но еще и права с тремя категориями. В общем, по-

сле учебки, попав в войска, он с ходу получил старенький, потрепанный жизнью и очумелыми солдатскими ручками «Урал» и принялся возить все, что прикажут.

Трижды колонну с его машиной закрывали боевики, но бог миловал. Несколько дырок от пуль в кабине и замена досок в бортах, вот и весь ущерб. На самом Беломире ни царапины, хоть и не отсиживался он за спинами сослуживцев. Что-что, а стрелять он умел и любил. Так что имел в подтвержденных семь убитых боевиков. Не бог вещь что, но никто не мог сказать, что он труса праздновал. А вот под конец службы не повезло. Ему было приказано вывезти из зоны боевых действий раненых, а колонну закрыли.

Понимая, что, остановившись, он обречет и себя и ребят на смерть, Беломир, теряя сознание, продолжал давить на газ, крутя баранку одной рукой. После, уже в госпитале, ему рассказали, что его «Урал» был отправлен под списание. Проще было утилизировать, чем восстановить. В самом парне оказалось три дырки. Два ранения были сквозными и одно слепым. Как он сумел доехать до госпиталя, не понимал никто. Ведь по всем правилам и понятиям он должен был истечь кровью уже на первом же километре.

Но бог миловал. А может, и черт постарался. В религиозных делах Беломир разбирался слабо. Жил по принципу «миновало, и ладно». В общем, из армии его списали с инвалидностью и медалью «За отвагу». А еще с крошечной пенсией, на которую и ноги с голодухи протянуть недолго было. Но Беломир не был бы самим собой, если бы опустил руки. Привычка драться до последнего вырвала и тут.

Едва услышав, что его называют инвалидом, парень с головой погрузился в работу над собственным телом. До кровавой пелены в глазах, до юшки из носу от перенапряжения он работал над собой, возвращая телу прежние кондиции. А кондиции эти были неслабыми. Жизнь в приюте не сахар, так что постоять за себя было не блажью, а необходимостью. Так что разряд по рукопашному бою он получил одновременно с повесткой в армию.

Вернувшись в родной городок, Беломир с ходу вступил в противостояние с чиновниками и, добившись хоть чего-то, принялся искать работу. Но как оказалось, для бизнесменов человек с его послужным списком был персоной нон грата. Держать подобного бойца в черном теле не получится. Можно и оборотку получить. Так что Беломир, помывавшись по всяким сервисам и автопредприятиям, отправился в гаражи. Там найти халтуру с его умениями и знаниями было проще. С той поры он работал только на себя.

Разобравшись кое-как с жильем и работой, парень задумался, чем занять досуг. Спиртное и клубы его не привлекали. Девушки предпочитали иметь дело с бизнесменами и бандитами, так что свободного времени хватало. Понимая, что без оружия в нынешних реалиях ходить значит наживать себе неприятности, Беломир сунулся было в милицию, за разрешением, но быстро сообразил, что это просто очередной способ заработать себе срок. Так что после недолгих размышлений занялся изготовлением холодняка.

Его после и выбросить не жалко, а если и найдут, то повесить железку на парня будет не так просто. Главное, пальчиков своих на железяке не оставлять. Но сделать что-то убойное мало. Нуж-

но еще и научиться им владеть. Так что бросать ножи, топоры, шила и тому подобные предметы он учился старательно. А когда познакомился с реконструкторами, то все стало еще проще. Благо среди них имелись люди, серьезно владевшие подобным оружием. Поэтому учиться Беломир не переставал. Как не переставал и заниматься собственным телом.

Крепкий, среднего роста брюнет, он выглядел спортивным, но не перекачанным, как всякие бодибилдеры и тому подобные качки. Скорее был жилистым и сбитым. Да и не нужны ему были рельефные мускулы. Не на сцене красоваться.

Так что отказ его тела подчиниться Беломир воспринял как очередной жизненный вызов. Усилием воли отогнав куда-то на задний план назойливый звон, парень сосредоточился на собственных ощущениях и первым делом попытался сжать кулаки.

Пока руки действуют, а голова соображает, ты полноценный человек. Так ему регулярно повторял в госпитале подполковник начмед, проводивший обследования. Вот парень и решил воспользоваться этим постулатом и первым делом занялся руками. Очень скоро сквозь все тот же звон и вдруг навалившуюся тошноту он ощутил, как руки начало колоть, словно он их отлежал. А после он уловил, что чувствует пальцы.

Обрадовавшись, Беломир попытался дотянуться сознанием до ног и вскоре ощутил уже знакомое покалывание. Отрешившись от жажды, парень сделал еще одну попытку пошевелиться, но неожиданно навалившаяся боль заставила его замереть и тихо застонать. А следом снова навалилась темнота.

* * *

Яркий свет заставлял морщиться и выжимал из глаз слезы, даже несмотря на то, что веки все еще были прикрытыми. Глухо застонав, Беломир дернул головой, пытаясь избавиться от этого слепящего света, но в следующую секунду застонал еще громче. Мышцы шеи затекли от долгого лежания в одной позе, и теперь их свело судорогой. Дергаясь, словно сломанная марионетка, парень кое-как перекатил голову и, глухо стелая, попытался приоткрыть глаза.

Первое, что он увидел, была трава. Ярко-зеленая, сочная, словно только пробившаяся. Осенью такой не бывает. Эта мысль заставила парня еще шире распахнуть глаза и, скосив их вбок, попытаться рассмотреть что-то еще. Но ничего, кроме все той же травы, рассмотреть не получалось. Собразив, что что-то идет не так, Беломир попробовал опереться на локти и подняться, но получилось только слабо дернуть руками.

— Да какого хрена тут вообще происходит? — прохрипел парень пересохшей глоткой. — Это что, меня во время битвы так приложили, а потом просто бросили? Фигня, парни бы так не сделали. Хоть до палатки, но дотянули бы.

Сделав еще одну попытку подняться, он с грехом пополам перекатился на бок и принялся собираться в кучу, словно складной метр. Сначала согнул ноги, подтянув их поближе к торсу. Потом справился с руками, переложив их так, чтобы можно было попробовать хоть как-то опереться. И последним этапом стала попытка подняться хотя бы на колени. Дважды он заваливался на бок, так и не сумев утвердить туловище в устойчивом положении.

На третий раз, с помощью стонов и мата, это получилось. Проблем доставлял и надетый на него доспех. Понятно, что бутафория, но сделана она была из настоящего железа. Так что весила немало. Утвердившись на коленях, Беломир уперся руками в землю и медленно, в буквальном смысле со скрипом, кое-как выпрямился. Вскинув голову, он старательно проморгался и, сфокусировав взгляд на ближайшем окружении, удивленно проворчал:

— Не показалось. Точно, трава как весной. Хрень какая-то. А где я вообще? На сборе такого поля не было, — бурчал он, медленно вытягивая шею, чтобы рассмотреть то, что находилось дальше.

К удивлению парня, трава уже вымахала почти по колено, так что его старания были не напрасны. Подняв голову выше этой поросли, Беломир вдруг понял, что оказался совсем не там, где был. Перед ним расстилалась бескрайняя степь. Такая, какой ее описывают в книжках и рисуют художники. Книжки парень любил и всякую фантастику читал регулярно, словно подсознательно готовился к какому-то большому изменению в своей жизни.

Он вообще считал, что очень опоздал родиться и это время не его. Ему, как человеку, привыкшему рассчитывать только на себя, гораздо ближе были старые времена, дикие просторы, где человек стоял ровно столько, сколько умел он сам. Понятно, что все это были детские мечты, но мечтать о путешествиях и приключениях было так увлекательно. А что еще делать мальчишке в приюте?

Убедившись, что глаза его не обманывают, и вокруг действительно расстилается степь, Беломир растерянно хмыкнул и, со скрежетом подняв руку, старательно почесал в затылке. Рука парня наткнулась на что-то мягкое и колючее, а пальцы,

когда он опустил руку, были покрыты налипшим пеплом.

— Не понял. А это что еще за фигня? — проворчал он, растирая пальцами пепел.

Проведя ладонью по голове еще раз и получив точно такие же ощущения, парень внимательно рассмотрел руку и, охнув, сообразил:

— Твою мать! Похоже, я все волосы сжег. Но как? Ладно, это потом.

Сидеть на одном месте и вправду было не самым умным занятием. Ему дико хотелось пить. К тому же солнце начало пригревать, и в доспехе становилось жарко. Но снимать с себя это железо Беломир не торопился. Как ни крути, а нести все это на себе гораздо проще, чем тащить в руках. А просто бросить не позволяла бережливая натура. Ну не привык он своими вещами разбрасываться, особенно теми, за которые плачены серьезные деньги.

Рассматривая руки, он приметил и еще кое-что. На кирасе и наплечнике виднелись какие-то странные следы. словно по доспеху прошлись чем-то вроде газового резака. Дырок не было, но железо заметно повело. Отсюда и возникал тот самый неприятный скрежет, когда он пытался шевелиться. Убедившись, что впереди только степь, Беломир решил посмотреть, что находится позади, и, опираясь на руки, принялся медленно разворачиваться. Вставать он пока не решался. Голова кружилась и крепко мутило. Да и конечности заметно дрожали, словно пьянствовал не меньше недели.

Развернувшись, парень осторожно выпрямился и, вытянув шею, радостно улыбнулся. Примерно в паре сотен метров от него начинался какой-то перелесок, с густым подлеском. Еще в армии ему много раз повторяли, если есть подлесок, обязательно

где-то рядом найдется и источник воды. В крайнем случае можно выкопать яму, в которой через какое-то время появится вода. Там, где есть подлесок, вода находится неглубоко. Насколько это правда, проверить не приходилось, но слова эти он запомнил крепко.

Понимая, что нужно уходить с открытого пространства, пока не испекся в собственном доспехе, Беломир с грехом пополам поднялся на ноги и, убедившись, что стоять как-то получается, сделал осторожный шаг вперед. Само собой, его повело в сторону, но он умудрился не упасть. Голова снова закружилась, а в глазах помутилось. Переждав приступ слабости, парень мотнул гудящей от боли головой и сделал еще один шаг. На этот раз все прошло гораздо легче.

Шагая, словно сломанная игрушка, Беломир медленно, но верно приближался к рожице. Что там за деревья росли, его интересовало в последнюю очередь. Главным сейчас было найти воду. Неважно какую. Пусть даже лужу. Он сейчас и на такое согласен. Примерно через полчаса, буквально завалившись в кусты, Беломир с блаженным стоном прижался лицом к влажной земле и еле слышно прошептал:

— Сюда добрался и дальше дойду. Не дождетесь.

Отдышавшись и слегка остыв, снова поднялся на ноги и, прислонившись плечом к ближайшему дереву, принялся вслушиваться в звуки, разносящиеся по перелеску. Негромко шелестела молодая листва, чирикали какие-то пичуги и еле слышно посвистывал ветерок в ветвях. В общем, настоящая пастораль и благолепие. Усмехнувшись собственным мыслям, Беломир осторожно оттолкнулся от дерева и шагнул к следующему.